

1001 ночь.

Сказка о Джаллиаде и Шимасе

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 899-904](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 905-910](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 911-915](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 916-920](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 921-925](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 926-930](#)

Девятьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик пришел к царю и приветствовал его, царь велел ему сесть.

И мальчик сел, и тогда царь спросил его: "Знаешь ли ты, кто с тобой разговаривал вчера?" – "Да", – ответил мальчик. И царь спросил: "Где же он?" И мальчик в ответ сказал: "Это тот, кто говорит со мной сейчас".

"Ты сказал правду, о любимый!" – воскликнул царь.

И затем он велел поставить кресло рядом со своим креслом, и посадил на него мальчика, и приказал подать еду и питье. И потом между ними завязался разговор, и царь сказал мальчику: "Ты, о везирь [649], сказал мне вчера некий слова и упомянул, что у тебя есть хитрость, которой ты отразишь козни царя Индии. Что же за хитрость и каков план, чтобы отразить от нас его зло? Расскажи мне, и я сделаю тебя первым в царстве и изберу тебя своим везирем, и буду следовать твоему мнению во всем, что ты мне посоветуешь, и награжу тебя роскошной наградой". – "Твоя награда у тебя, о царь, а совет и план – у твоих жен, которые посоветовали тебе убить моего отца Шимаса вместе с остальными везирями", – ответил мальчик. И когда царь услышал от него это, он смутился и вздохнул и спросил: "О любимое дитя, а разве Шимас – твой отец, как ты сказал?" – "Шимас действительно мой отец, и я вправду его сын", – сказал мальчик в ответ. И тут царь опечалился, и его глаза прослезилась, и он попросил у Аллаха прощения и сказал: "О мальчик, я сделал это по неразумению, из-за злого замысла женщин (а козни их велики), но я тебя прошу меня простить и поставлю тебя на место твоего отца, с саном более высоким, чем его сан, а когда пройдет эта напасть, нисходящая на нас, я надену тебе золотой воротник и посажу тебя на лучшего коня и велю глашатаю кричать перед тобой и говорить: "Этот великий юноша сидит на втором престоле после царя". А что касается того, что ты сказал про женщин, то я задумал им отомстить и назначу место на то время, какое захочет Аллах великий. Расскажи же мне, каков твой план, чтобы успокоилось мое сердце".

И мальчик в ответ ему сказал: "Дай мне обещание, что ты не станешь прекословить мне в том, что я тебе скажу, и я буду безопасен от того, чего боюсь". И царь молвил: "Вот обет Аллаха между мной и тобой: я не отступлюсь от того, что ты мне сказал, и ты мой первый советник. Что ты мне ни прикажешь – я сделаю, и свидетельством тому то, что я тебе говорю, – Аллах великий".

И тогда расправилась грудь мальчика, и расширилось перед ним поле разговора, и он сказал: "О царь, вот мой план и хитрость: дождись времени, когда придет к тебе гонец, требуя ответа после отсрочки, которую ты ему назначил. И когда он предстанет перед тобой и потребует ответа, отведи его от себя и отложи ответ на какой-нибудь другой день. И гонец станет перед тобой оправдываться тем, что царь назначил ему определенные дни, и убеждать тебя изменить решение, а ты отстрани его и отложи ответ до другого дня, но дня не назначай. И гонец уйдет от тебя сердитый, и выйдет на середину города, и начнет открыто говорить среди людей, и скажет: "О житель города, я – гонец царя дальней Индии, а он – обладатель великой ярости и решимости, которая размягчит железо. Он прислал меня с письмом к царю этого города и определил мне дни для возвращения и сказал: "Если ты не явишься после дней, которые я тебе назначил, постигнет тебя мое отмщение". И вот я пришел к царю этого города и, отдал ему письмо, и, прочитав его, царь велел мне ждать три дня, и сказал, что потом даст мне ответ, и я согласился на это из кротости и чтобы его уважить, и три дня прошли, и я пришел требовать от него ответа, но он отложил ответ до другого дня, а у меня нет терпения. И вот я иду к моему господину, царю дальней Индии, и я расскажу ему, что со мной случилось, и вы, о люди, свидетели между мной и им". И когда до тебя дойдут его слова, пошли за ним и вели его привести к себе, и заговори с ним мягко, и скажи ему: "О гонец, спешащий к гибели своей души, что побудило тебя корить нас среди наших подданных? Ты заслужил от нас быстрой гибели, но древние сказали: "Прощение – одно из свойств благородных". И знай, что отсрочка ответа тебе не из-за нашей слабости, но от многочисленности наших занятий и недостатка досуга, чтобы написать письмо вашему царю".

И затем потребуй письмо и прочти его второй раз, а окончив читать, громко засмейся и скажи гонцу: "Есть ли у тебя еще письмо, кроме этого? Мы напишем ответ и на него". И гонец тебе скажет: "Нет у меня письма, кроме этого письма". А ты повтори ему вопрос второй раз и третий раз, и когда он скажет тебе: "Нет у меня другого письма совершенно", – скажи ему: "Поистине, ваш царь лишен ума, раз он употребил в этом письме слова, которыми он хочет возбудить нашу душу, чтобы мы отправились к нему с войском, напали на его страну и отняли его царство. Но мы не взыщем с него на этот раз за его непристойность в этом письме, ибо он малоумен и слаб рассудком. Нашему могуществу подобает, чтобы мы сначала его предупредили и предостерегли от повторения такого вздора, а если он подвергнет себя опасности и вернется к этому, он будет достоин немедленной гибели.

Я думаю, что царь, приславший тебя, – глупый дурак, который не размышляет об исходе дел, и нет у него везира, разумного и со зрелым суждением, у которого он бы спросил совета. Будь он разумен, он бы посоветовался с везирем, прежде чем посылать нам эти смешные слова. Но у меня есть для него ответ, такой же, как его письмо, и даже больше того – я дам его письмо кому-нибудь из мальчиков в школе, чтобы он на него ответил".

А потом пошли за мной и потребуй меня, и когда я явлюсь к тебе, позволь мне прочитать его письмо и дать на него ответ".

И тут расправилась грудь царя, и он одобрил мнение мальчика, и ему понравилась эта хитрость. Он оказал ему милость и пожаловал ему степень его отца и отпустил его, радостный, и когда прошли три дня, на которые он дал отсрочку гонцу, гонец пришел и вошел к царю и потребовал ответа, но царь отложил его до другого дня. И гонец не дошел до конца ковра и произнес слова неподобающие, такие, как говорил мальчик. А затем он вышел на рынок и сказал: "О жители этого города, я посол царя дальней Индии к вашему царю и пришел к нему с посланием, а он затягивает ответ на него. Уже прошел срок, который назначил мне наш царь, и не осталось у вашего царя оправдания; вы будете в этом свидетелями".

И когда до царя дошло сведение об этих словах, он послал за гонцом и, приказав привести его к себе, сказал: "О гонец, спешащий к гибели своей души, разве ты не приносишь письмо от царя к царю и между ними есть тайна? Как же ты выходишь к людям и разглашаешь тайны царей простому народу? Ты заслужил от нас мести, но мы стерпим это, чтобы ты мог вернуть ответ этому глупому царю. Наиболее подходит, чтобы дал ему ответ за нас самый маленький из детей в школе". И он велел позвать того мальчика, и мальчик явился, и когда он вошел к царю (а гонец был тут же), он пал ниц перед Аллахом и пожелал царю вечной славы и жизни, и царь бросил ему письмо и сказал: "Прочитай это письмо и напиши на него скорей ответ".

И мальчик взял письмо, и прочитал его, и улынулся, смеясь, и сказал царю: "Разве ты послал за мной для ответа на это письмо?" – "Да", – молвил царь. И мальчик ответил великим вниманием и повиновением и, вынув чернильницу и бумагу, написал..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик взял письмо и прочитал его, он тотчас же вынул чернильницу и бумагу и написал: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Мир с теми, кто получил безопасность и милость милосердного! А затем: я осведомляю тебя, о называемый великим царем лишь по имени, а не по делам, что до нас дошло твое письмо, и мы прочитали его и поняли, какие в нем бредни и диковинный вздор, и убедились мы в твоей глупости и преступлении перед нами. Ты протянул руки к тому, над чем ты не властен. И если бы нас не взяло сожаление к созданиям Аллаха и подданным, мы бы не отступились от тебя. Что же касается твоего посла, то он вышел на рынок и распространил известия из твоего письма среди избранных и простых и заслуживает от нас мести, но мы пощадили его, из милости к нему, так как ему простительно, и оставили мы отмщение ему не из уважения к тебе. А насчет того, что ты говоришь в своем письме об убиении мною моих везирей, ученых и вельмож моего царства, то это правда, но это прямо шло по причине, случившейся у меня, и я не убил ни одного такого ученого, чтобы не было у меня из его же породы тысячи людей, еще учнее и понятливее и разумнее, и нет у меня ребенка, который не был бы наполнен науками, и вместо каждого из убитых у меня есть столько достойных людей, вроде него, что мне не сосчитать. А каждый из моих воинов стоит отряда твоих войск. Что же касается денег, то у меня завод золота и серебра, а касательно металлов, – они для меня все равно что куски камней. А жители моего царства – я не могу описать тебе их красоту, прелесть и богатство! Как же ты дерзнул против нас и сказал нам: "Построй мне дворец посреди моря". Поистине, это дело удивительное, и, может быть, оно возникло из-за слабости твоего ума, ибо если бы у тебя был ум, ты осведомился бы о том, каковы будут удары волн и порывы ветра, пока я буду строить тебе дворец. Что же касается твоего утверждения, что ты победишь меня, то упаси Аллах от этого! Как может посягнуть на нас подобный тебе и овладеть нашим царством? Нет, поистине, великий Аллах даст мне над тобой победу, так как ты перешел меру и пошел против меня без права. Знай же, что ты заслуживаешь наказания от Аллаха и от меня, но я боюсь Аллаха в деле с тобой и твоими подданными и выведу против тебя только после увещания. Если ты боишься Аллаха, то поспеши мне прислать харадж [650] за этот год, иначе я не откажусь выехать против тебя, и со мной будет тысяча тысяч и еще сто тысяч бойцов – все великаны на слонах, – и я построю их вокруг нашего везира и прикажу ему стоять и осаждать тебя три года, подобно тем трем дням, которые ты предоставил моему послу. И я овладею твоим царством, и не убью в нем никого, кроме тебя, и не уведу в плен никого, кроме твоих женщин".

И затем мальчик нарисовал на письме свой портрет и написал возле него: "Этот ответ писал самый маленький из детей в школе". И потом он запечатал письмо и вручил его царю, а царь отдал его гонцу, и гонец взял письмо, поцеловал царю руки и вышел от него, благодаря Аллаха великого и царя за кротость. И он ушел, дивясь тому, что видел из остроты ума этого мальчика.

И когда он дошел до своего царя (а он пришел к нему на третий день после трех дней, ему назначенных), царь в это время созывал диван вследствие запоздания гонца против назначенного ему срока. И, войдя, гонец пал перед царем ниц и отдал ему письмо, и царь взял его и спросил гонца о причине промедления и об обстоятельствах царя Вирд-хана. И гонец рассказал ему, как было дело и вообще обо всем, что он видел глазом и слышал ухом. И это ошеломило ум царя, и он сказал гонцу: "Горе тебе! Что это за рассказы ты мне рассказываешь о царе, подобном этому?" И гонец ответил: "О великий царь, вот я перед тобою, вскрой письмо и прочитай его, и тебе станет ясно, что правда и что ложь". И царь вскрыл письмо, и прочитал его, и увидел в нем портрет мальчика, который писал письмо.

И тогда он убедился в прекращении своей власти и смутился, не зная, каково будет его дело. А потом он обернулся к своим везирям и вельможам своего царства и рассказал им, что случилось, и прочитал им письмо, и это устрало их и испугало великим испугом, и они стали успокаивать царя внешне, словами языка, а сердца их разрывались от биения.

И потом Бади, великий везирь, сказал: "Знай, о царь, в том, что говорят везири, мои братья, нет никакого проку. Мое мнение, что тебе следует написать этому царю письмо и извиниться в нем и сказать: "Я люблю тебя и любил твоего отца, прежде тебя, и мы послали к тебе гонца с этим письмом только ради испытания, чтобы посмотреть, каковы твои намерения, и сколь велика твоя доблесть, и каково у тебя знание, и действие, и разрешение скрытых загадок и какие заложены в тебе совершенства. Мы просим Аллаха великого, чтобы он сделал для тебя благословенным твое царство, укрепил бы крепости твоего города и увеличил бы твою власть, чтобы ты мог охранять себя, и совершенны были бы дела твоих подданных". И пошло это письмо с другим гонцом.

И царь сказал: "Клянусь великим Аллахом, поистине, Это великое дело! Как может быть он великим царем, готовым к войне, после того как он убил ученых своего царства и обладателей верного мнения и предводителей своего войска, и как может его царство процветать после этого, чтобы исходила из него столь великая сила? И еще удивительнее, что малыши в школах пишут там за царя ответы, подобные этому. А я, по моей дурной жадности, зажег этот огонь против себя и против жителей своего царства и не знаю, что бы потушило этот огонь, если бы не совет моего везира".

И затем он собрал ценный подарок и многочисленных слуг и челядь и написал письмо такого содержания: "Во имя Аллаха милостивого, милосердного! А затем: о славный царь Вирд-хан, сын славного брата моего Джиллиада (да помилует его Аллах и да продлит он твой век!), пришел к нам ответ на наше письмо, а мы прочитали его и поняли, что в нем заключается, и увидели мы в нем то, что нас обрадовало, и в этом предел наших просьб о тебе Аллаху. Мы просим его, чтобы он возвысил твой сан и укрепил устои твоего царства и дал бы тебе победу над врагами, которые хотят для тебя зла. И знай, о царь, что твой отец был мне братом, и между ним и мною были обеты и клятвы в течение всей его жизни, и он видел от нас одно лишь благо, и мы также видели от него одно благо. А когда он скончался и ты сел на престол его царства, охватила нас крайняя радость и веселье, но когда стало нам известно, что ты сделал со своими везирями и вельможами своего царства, мы испугались, что весть об этом достигнет какого-нибудь царя, кроме нас, и он пожелает захватить тебя, и подумали, что ты пренебрегаешь своими делами и охраной своих крепостей и не заботишься о делах своего царства. И мы написали тебе письмо, которым хотели предупредить тебя, и когда увидели, что ты прислал нам такой ответ, наше сердце успокоилось за тебя, да дозволит тебе Аллах насладиться твоим царством и да окажет он тебе помощь в твоих делах! Мир тебе!"

И он собрал для Вирд-хана подарок и отослал его к нему с сотней витязей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь дальней Индии собрал подарок для царя Вирд-хана и отослал его ему с сотней витязей. И они шли до тех пор, пока не пришли к царю Вирд-хану, и приветствовали его, и отдали ему письмо. И Вард-хан прочитал его и понял его смысл, а затем он поместил начальника сотни витязей в подобающем ему месте и оказал ему уважение и принял от него подарок. И весть о подарке распространилась среди людей, и царь сильно обрадовался, И он послал за мальчиком, сыном Шимаса, и когда его привели, оказал ему уважение и послал за начальником сотни витязей, а потом он потребовал письмо, которое тот привез от своего царя, и дал его мальчику, и мальчик вскрыл письмо и прочитал его, и царь обрадовался большой радостью. И он начал упрекать начальника сотни витязей, а тот целовал его руки и извинялся перед ним, желая ему долгого века и вечного благоденствия, и царь поблагодарил его за это, и оказал ему великое уважение, и одарил его, и одарил всех, кто был с ним, как им подобало, и собрал подарки, и велел мальчику написать ответ. И мальчик написал ответ, и отлично составил обращение, будучи краток в словах о примирении, и упомянул о вежестве посла и витязей, которые были с ним. И, завершив письмо, он показал его царю, и царь сказал; "Прочитай его, о дорогое дитя, чтобы мы знали, что в нем написано", И тогда мальчик прочитал письмо в присутствии сотни витязей, и царю и всем, кто присутствовал, понравилась стройность изложения и смысл написанного, а потом царь запечатал письмо и вручил его начальнику сотни витязей и отпустил его, послав с ним отряд войск, чтобы довести его до границ своей земли.

Вот что было с царем и мальчиком. Что же касается начальника сотни, то его ум был ошеломлен тем, что он видел из поступков мальчика и его знаний, и он поблагодарил Аллаха великого за быстрое окончание дела и принятие мира.

И он шел, пока не дошел до царя дальней Индии, и поднес ему подарки и редкости, и доставил ему дары, и подал ему письмо, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

рассказал о том, что видел. И царь обрадовался сильной радостью, и поблагодарил Аллаха великого, и оказал уважение начальнику сотни витязей, и поблагодарил его за его усердие в делах, и возвысил его степень, и стал он с этого времени жить в безопасности, уверенности и спокойствии и крайнем веселии.

Вот что было с царем дальней Индии. Что касается царя Вирд-хана, то он шествовал прямо, следуя Аллаху, и сошел с дурной дороги, и раскаялся перед Аллахом искренним раскаянием в том, что было, и оставил женщин совсем, и весь обратился к исправлению дел своего царства, и смотрел на подданных, боясь Аллаха. И он сделал сына Шимаса своим везирем, вместо его отца, и своим первым советником в царстве и хранителем своих тайн и приказал украсить свой город на семь дней, а также и прочие города, и обрадовались этому подданные, и прошел их страх и испуг. И возрадовались они справедливости и правосудию и взмолились, желая блага царю и везирю, который сложил с царя и с них эту заботу.

А потом царь спросил везиря: "Каково твое мнение относительно укрепления царства, исправления дел подданных и возвращения их к тому, чтобы, как прежде, у них были начальники и управители?" И везирь в ответ ему сказал: "О царь, славный саном, по моему мнению, следует тебе, прежде всех вещей, начать с удаления из твоего сердца непослушания и оставить забавы, насилия и увлечение женщинами, которому ты предавался, ибо если ты вернешься к корню непослушания, второе заблуждение будет сильнее, чем первое". – "А в чем корень непослушания, который мне следует вырвать?" спросил царь. И везирь, малый по годам, большой по разуму, сказал ему в ответ: "О великий царь, знай, что корень непослушания – увлечение страстью к женщинам и склонностью к ним и согласие с их мнением и замыслами, ибо любовь к ним изменяет чистый разум и портит здравые свойства, и свидетельствуют о моих словах явные доказательства. Если бы ты поразмыслил о них и проследил бы их действие внимательным взором, ты нашел бы себе советчика в своей душе и избавился бы совершенно от нужды в моих словах. Не занимай же своего сердца мыслью о женщинах и вырви из ума их образ, так как Аллах великий повелел не учащать общения с ними через своего пророка Мусу, и один из царей, из мудрецов, говорил своему сыну: "О дитя мое, когда ты утвердишься во власти после меня, не учащай общения с женщинами, чтобы твое сердце не заблудилось и не испортилось твое суждение. Вкратце – частое общение с женщинами ведет к любви к ним, а любовь к ним ведет к порче суждения, а доказательство этому в том, что случилось с господином нашим Сулейманом сыном Дауда (мир с ними обоими!), которого Аллах выделил знанием, мудростью и великой властью и не дал никому из царей предшествовавших того, что дал он Сулейману, и были женщины причиной согрешения его отца. Подобное этому многочисленно, о царь, и я упомянул тебе о Сулеймане лишь для того, чтобы ты знал, что никому не дано владеть тем, чем он владел, и повиновались ему все цари земли. И знай, о царь, что любовь к женщинам – корень всякого зла, ибо ни у одной из них нет верного суждения, и надлежит мужчине ограничивать общение с ними мерой необходимости и не склоняться к ним полной склонностью – это ввергнет его в порчу и гибель. И если ты слушаешь мои слова, о царь, в порядке будут все твои дела, а если пренебрежешь ими, то будешь раскаиваться, но не принесет раскаяние тебе пользы".

И царь сказал ему в ответ: "Я оставил крайнюю склонность к женщинам, которой предавался..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

Девятьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Вирд-хан сказал своему везирю: "Я оставил склонность к женщинам, которой предавался, и отвернулся от увлечения ими совсем. Но что же мне делать с ними в возмездие за то, что сделали они, – ведь убийство Шимаса, твоего отца, было из-за их козней, и не было это моим желанием, и не знаю я, как случилось с моим разумом, что я согласился на его убийство".

И затем царь стал охоть и кричать, восклицая: "Увы мне, я потерял моего везиря, и верность его суждения, и прекрасную его предусмотрительность и потерял подобных ему везирей и вельмож царства с их прекрасными мнениями, разумными и правильными!" И везирь в ответ ему сказал: "Знай, о царь, что вина не на одних женщинах, ибо они подобны хорошему товару, к которому склоняются желания смотрящих: кто хочет и покупает тому продают, а кто не покупает, того никто не заставляет купить, и вина – на том, кто купил, в особенности если он знал о вреде этого товара. Я предостерегал тебя, и мой отец, раньше меня, тоже тебя предостерегал, но ты не принял от него совета". – "Я признал за собой вину, как ты и говоришь, о везирь, и нет у меня оправдания, кроме божественного предопределения", – сказал царь. И везирь молвил: "Знай, о царь, что Аллах великий сотворил для нас возможность и дал нам желание и свободную волю, и если мы желаем, то делаем, а если не желаем, то не делаем. И Аллах не повелел нам совершать дурное, чтобы не пристал к нам грех. Нам следует рассчитывать, какой поступок будет правильным, ибо Аллах великий повелевает нам одно лишь благое, при всех обстоятельствах, и удерживает нас от злого, а мы, по своей воле, делаем то, что делаем, правильно ли это, или ошибочно".

"Ты прав, – сказал царь, – и моя ошибка произошла из-за меня, вследствие моей склонности к страстям. Я предостерегал себя от этого многократно, и многократно предостерегал меня твой отец Шимас, но моя душа осилила разум. Знаешь ли ты какой-нибудь способ удержать меня от совершения этой ошибки, чтобы мой разум был победителем над страстями души?" – "Да, – отвечал везирь, – я вижу нечто, что удержит тебя от совершения этой ошибки. Ты должен совлечь с себя одеяние глупости и облечься в одеяние справедливости, не быть послушным своим страстям, повиноваться твоему владыке и вернуться к поведению справедливого царя, твоего отца. Делай то, что тебе подобает, соблюдая права Аллаха великого и права твоих подданных, охраняй твою веру, и твой народ, и собственное твое поведение и берегись убивать твоих подданных. Думай о последствиях своих дел и откажись от обид, притеснений, преступлений и разврата; будь справедлив, правосуден, смиренен и исполняй веления Аллаха великого, и всегда заботься о созданиях его, над которыми он сделал тебя своим преемником, и неизменно поступай так, как должно по их молитвам за тебя, ибо если ты постоянно будешь так, твое время станет безоблачным, и Аллах, по своей милости, простит тебя и сделает уважаемым всеми, кто тебя видит, и сгинут твои враги, и обратит Аллах великий их войска в бегство, и станешь ты Аллаху приятен и среди сотворенных им уважаем и любим".

"Ты оживил мою душу и озарил мое сердце твоим нежным слоem и снял пелену с моего взора после слепоты, – сказал царь, – и я намерен сделать все то, что сказал, с помощью Аллаха великого. Я оставлю прежние преступления и страсти и выведу свою душу из тесноты на простор и из страха к безопасности, и надлежит тебе радоваться этому и веселиться, ибо я стал тебе сыном, при больших моих годах, а ты стал мне возлюбленным отцом, несмотря на малые твои годы, и стало для меня обязательно не жалеть усердия в том, что ты мне приказываешь. Я благодарен за милость Аллаха великого и за твою милость, ибо Аллах великий дал мне через тебя благоденствие, и прекрасное указание, я здоровое суждение, которое устранил мою заботу и горе. Я достиг благополучия подданных через твои руки, по благороднейшему твоему знанию и благой предусмотрительности; ты теперь управитель в моем царстве, и я выше тебя лишь тем, что сижу на престоле. Все, что ты делаешь, – для меня обязательно, и нет противника твоим словам, хотя ты и молод годами, ибо ты стар по разуму и много знаешь. Я благодарю Аллаха, который послал тебя мне, и ты вывел меня на путь прямой, после губительных поворотов".

"О счастливый царь, – сказал везирь, – знай, что нет у меня перед тобой заслуги в том, что я не жалею для тебя советов, ибо мои слова и действия – лишь часть того, что для меня обязательно, так как я взращен твоей милостью, и не только я один, но и мой отец, прежде меня, был залит твоими обильными милостями. Мы все признаем твои благодеяния и милости, и как можем мы этого не признать? А ты, о царь, – наш пастух и судья и воюешь за нас с нашими врагами; тебе поручено охранять нас, и ты наш сторож и не жалеешь трудов для нашей безопасности. И если бы мы пожертвовали душою, повинуйся тебе, мы не совершили бы того, что обязаны сделать в благодарность тебе, и мы умоляем Аллаха великого, который поставил тебя над нами и сделал тебя нашим судьей, и просим его, чтобы он одарил тебя долгой жизнью и послал тебе успех во всех твоих делах, не испытывая тебя бедствиями в твоё время, привел бы тебя к исполнению желаний и сделал бы тебя почитаемым до часа твоей смерти. Пусть он прострет твои руки с милостью, чтобы ты вел за собой всех знающих и покорил всех строптивых, и пусть приведет в твоё царство всех ученых и доблестных и удалит из него всех невежд и тросов. Да удалит Аллах от твоих подданных дороговизну и беду и да посеет между ними дружбу и любовь! Пусть даст он тебе в сей жизни успех, а в последней жизни – праведность, по милости своей и великодушию и по скрытой своей благости, аминь! Он ведь властен во всякой вещи, и нет для него дела трудного, и к нему – возвращение и конечный исход!"

И когда царь услышал от своего везиря это пожелание, его охватила крайняя радость, и он склонился к нему полной склонностью и сказал: "Знай, о везирь, что ты стал мне вместо брата, сына и отца, и не разделит меня с тобой ничто, кроме смерти. Всем, чем владеет моя рука, ты можешь распоряжаться, и если не будет у меня потомства, ты воссядешь на мой престол вместо меня, ибо ты достойней всех жителей

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

моего царства, и я вручу тебе мою власть в присутствии вельмож царства и сделаю тебя наследником после меня, если захочет Аллах великий..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девяност тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до девяност тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Вирд-хан говорил сыну Шимаса, везиру: "Я сделаю тебя моим преемником и назначу тебя наследником после меня, и засвидетельствуют это вельможи моего царства с помощью Аллаха великого".

И затем он призвал своего писца, и когда тот предстал перед ним, приказал ему написать всем вельможам царства, чтобы они явились к нему, и во всеуслышание провозгласил об этом в городе для тех, кто был там из избранных и простых, и повелел собраться везирям, военачальникам, царедворцам и всем обладателям слуг для присутствия у царя, а также ученым и мудрецам. И царь устроил великий диван и трапезу, равной которой никто не устраивал, и пригласил всех людей, избранных и простых, и все собрались для веселья, и ели, и пили в течение месяца. А после этого царь одел всех своих приближенных и бедняков в царстве и дал ученым обильные подарки, и затем он выбрал нескольких ученых и мудрецов, с ведома сына Шимаса, и, приказав им войти к себе, велел ему отобрать из них семерых и сделать их везирями, подвластными его слову, а самому быть их начальником. И тогда мальчик, сын Шимаса, выбрал из них старших по годам, совершеннейших по разуму, изобильнейших знаниями и быстрее всех запоминающих и увидел, что людей с такими свойствами шесть человек. И он привел их к царю, и тот облачил их в одежды везирей и обратился к ним, говоря: "Вы будете моими везирями, в повиновении у сына Шимаса, и от того, что вам скажет или прикажет этот мой везирь, ибн Шимас, не отступайте никогда. Хотя он моложе вас годами, он старше вас по разуму".

И затем царь усадил их на украшенные скамеечки, как обычно для везирей, и назначил им выдачи и деньги на расходы, а потом он велел им выбрать среди вельмож царства, собравшихся у него на пиру, тех, кто годится для службы в царстве среди воинов, чтобы назначить из них начальников тысяч, начальников сотен и начальников десятков, и определил им оклады и назначил выдачи, обычные для вельмож, и все это сделали в самое скорое время.

И царь приказал также пожаловать остальным присутствующим обильные награды и отпустить каждого в свою землю со славой и почетом, и велел своим наместникам быть справедливыми к подданным, и приказал им иметь попечение о бедных и богатых, повелев способствовать им из казны сообразно их степеням, и везири пожелали ему вечной славы и долгого века. И затем царь велел украсить город на три дня, в благодарность Аллаху великому за поддержку, которую он ему оказал.

И вот каковы были дела царя и его везира ибн Шимаса в устройении государства и назначении эмиров и должностных лиц. Что же касается женщин-любимец, из наложниц и других, которые были причиной убийства везирей и порчи государства из-за своих хитростей и обманов, то когда все, кто пришел в диван из городов и селений, отправились к своим местам и дела их выправились, царь приказал везиру, малому по годам, большому по разуму, то есть сыну Шимаса, призвать прочих везирей, и они все явились к царю, и тот уединился с ними и сказал: "Знайте, о везири, что я уклонялся от прямого пути, был погружен в невежество, отвращался от добрых советов, нарушал обещания и клятвы и прекословил советникам, и причиной всего этого была забава с этими женщинами, и их обманы, и ложный блеск их слов, и ложь, и мое согласие на это. Я думал, что их слова – искренний совет, так как они были нежны и мягки, а оказалось, что это яд убийственный. Теперь же я утвердился в мнении, что они хотели для меня лишь смерти и гибели, и заслужили они наказание и возмездие от меня по справедливости, чтобы я сделал их назиданием для поучающихся. Но каков будет правильный план, чтобы их погубить?"

И везирь, сын Шимаса, ответил: "О царь, великий саном, я говорил тебе раньше, что вина падает не на одних только женщин, – ее разделяют с ними и мужчины, которые их слушаются. Но женщины при всех обстоятельствах заслуживают возмездия по двум причинам: во-первых, для исполнения твоего слова, ибо ты есть величайший царь, а во-вторых, потому, что они осмелились идти против тебя и обманули тебя и вмешались в то, что их не касается и о чем им не годится говорить. Они более всех достойны гибели, но довольно с них того, что их теперь поражает. Поставь же их от сей поры на место слуг, и тебе принадлежит власть в этом и во всем другом".

И некоторые из везирей посоветовали царю то же самое, что говорил ибн Шимас, а один везирь выступил к царю, пал перед ним ниц и сказал: "Да продлит Аллах дни царя! Если необходимо сделать с ними дело, которое их погубит, сделай так, как я тебе скажу". – "А что ты мне скажешь?" спросил царь. И везирь сказал: "Самое правильное вот что: прикажи одной из твоих любимец, чтобы она взяла женщин, которые тебя обманули, и отвела их в комнату, где произошло убийство везирей и мудрецов, и заточила их там, и прикажи давать им немного пищи и питья – лишь в такой мере, чтобы поддерживать их тело, и совершенно не позволять им выходить из этого места. И пусть тех, кто помрут сами по себе, оставляют среди них, как есть, пока все женщины не умрут до последней. Вот ничтожнейшее воздаяние им, ибо они были причиной этой великой смуты, – нет, корнем всех бедствий и смут, которые были во все времена. И оправдались в них слова сказавшего: "Кто выроет своему брату колодец, сам в него упадет, хотя бы долго длилось его благополучие"

И царь принял мнение этого везира и сделал так, как он говорил. Он послал за четырьмя жестокосердыми" наложницами и отдал им тех женщин, приказав отвести их к месту убийства и заточить там, и назначил им немного плохой пищи и немного скверного питья. И было дело их таково, что они печалились великой печалью и клялись в том, что из-за них случилось, и горевали великой горестью, и наделил их Аллах, в воздаяние, позором в здешней жизни и уготовал им пытки в последней жизни, и они оставались в том темном месте с зловонным запахом. И каждый день несколько из них умирало, пока они не погибли до последней.

И весть об этом событии разнеслась по всем странам и землям, и вот чем кончилось дело царя, его везирей и подданных.

Хвала Аллаху, который губит народы и оживляет истлевшие кости, и достоин он прославления, и возвеличения, и восхваления во веки веков!